ПОСЕЛОК КОРФОВСКИЙ: СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

Своим рождением Корфовский обязан Уссурийской железной дороге, а названием — первому Приамурскому генерал-губернатору Андрею Николаевичу Корфу, который в 1890 году направил прошение Александру III с обоснованием железнодорожного строительства.

Уместно напомнить, что губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьёв-Амурский с аналогичным прошением обращался к Александру II, но получил отказ в связи с трудностями после поражения в Крымской войне. Минуло четверть века, Россия окрепла, поезда двинулись на Урал и в Сибирь.

В феврале 1891 года Александр III утвердил решение о прокладке Уссурийского рельсового пути. Строительство началось в мае 1891 года, на закладке пути присутствовал цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II.

А летом 1897 года газета «Приамурские ведомости» сообщила о торжественном открытии станции у реки Чирки, которое состоялось двадцать второго июля в присутствии Приамурского генерал-губернатора Семена Михайловича Духовского. На карте строящегося пути станция имела название Чирки. По предложению Духовского она была переименована в Корфовскую в честь его предшественника Андрея Николаевича Корфа. Станция располагалась не там, где находится сейчас, а на противоположной стороне рельсового пути, которую позже заняли частные дома.

Первым начальником станции был Иван Добровидов, бывший телеграфист. В штате фигурировали также дежурные и машинист водокачки, которая была неизменной составляющей каждой железнодорожной станции, поскольку вода требовалась для заправки паровозов.

В феврале 1897 года газета «Приамурские ведомости» сообщает, что на строительство железнодорожных мостов облицовочный камень поступает из карьера на Хехцирском хребте. Значит, разработка местных горных пород началась одновременно с прокладкой Уссурийского рельсового пути.

Уникальность здешнего месторождения в том, что добываемый камень — соединение гранита и диорита — особо прочен и морозоустойчив. Карьер, примыкающий к Белой речке, разрабатывали ссыльнокаторжные киркой да лопатой. Для ускорения транспортировки была построена узкоколейка, она огибала сопку и проходила между нынешними улицами Ленина и Зеленой.

Сохранились фамилии подрядчиков. Они заключали договоры на поставку продукции, нанимали работников, располагали орудиями труда, транспортными средствами, в качестве которых упоминаются лошади и волы. В 1904 году разработку карьера вели подрядчики Рудзский, Голостьянов, Носкин. Вторая узкоколейка к

железнодорожному пути была подведена подрядчиками Левковичем, Архиповым, Коваленко, Сенкевичем, Янсоном.

После ввода в эксплуатацию Уссурийской железной дороги камень стали отправлять на строительство Амурской железной дороги. Главным ее объектом был мост через Амур. По реке Чирки камень везли на плотах и баржах до реки Уссури, а дальше по Амуру к месту постройки грандиозного моста-красавца. Туда же отправлял пиломатериалы завод со станции Корфовской, оснащенный двумя пилорамами. Бревна подвозили по узкоколейке с лесоповала на хехцирских предгорьях. Камень и пиломатериалы поставлялись и в Хабаровск.

Ивана Николаевича Добровидова, через два года назначенного начальником станции Хабаровск, сменил Евгений Михайлович Адерсон. Дворянин по происхождению, он прибыл из европейской части России вместе с семьей. За годы службы он полюбит Приамурье и не оставит его после увольнения с железной дороги. Адерсон переберется в Хабаровск, сблизится с купцами Пьянковыми, дома которых украшают город и сегодня. Евгений Михайлович будет избран гласным, или, как выражаются теперь, депутатом городской думы, а в 1919 году — председателем городской думы.

Но как после установления диктатуры пролетариата Корфовский сохранил свое название, данное ему в честь барона, генерала от инфантерии императорской армии Андрея Корфа?

В 1923 году партийцы станции Корфовской выходили с предложением переименовать ее в честь красного командира Чумака, погибшего в 1918 году на Уссурийском фронте. Но то ли фамилия оказалась неблагозвучной, то ли нашлись у советской власти более важные дела. В общем, Корфá, как в просторечии именуют станцию и поселок, переименований избежала.

ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ

«Всегда ходил в железнодорожной форме»… Это об Иосифе Дзюле, работавшем начальником станции полтора десятка лет — гораздо больше, чем его предшественники Добровидов и Адерсон. «Здоровый русский мужчина, широкий, двойная кисть руки, тяжелая, шаг крупный…»

В пору Добровидова и Адерсона поезда шли из Владивостока в Хабаровск и обратно. Амурская железная дорога, соединившая Транссиб в единое целое, заработала уже при Дзюле. Поездом из Владивостока можно было добраться в Петроград и Москву, не говоря уже про Сибирь и Урал, что не так давно казалось немыслимым!..

Иосиф Александрович никогда не жил в праздности. До призыва на срочную службу работал телеграфистом на Юго-Западной железной дороге, был зачислен в 1-й Уссурийский железнодорожный батальон. Рядовой Дзюль дослужился до помощника начальника станции, а после увольнения в запас был зачислен в штат Уссурийской железной дороги с назначением начальником станции Корфовская.

Иосиф Александрович Дзюль состоял в географическом обществе, где сблизился с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, с которым в 1908 году отправились в экспедицию из Хабаровска в Императорскую гавань: плыли по рекам, переваливали Сихотэ-Алинь, ночевали у костра… Свои впечатления И. А. Дзюль опубликовал в путевом очерке.

Отречение Романовых, низложение Временного правительства до созыва Учредительного собрания, революция… В Хабаровске, до которого от станции Корфовской было три десятка километров, красные и белые сменяли друг друга…

Дальсовнарком не продержался и полугода. С весны город и примыкающую к нему железную дорогу взял под контроль атаман Калмыков, поддержанный японскими войсками. Партизанские отряды в начале 1919 года объединились в военно-революционный штаб. Его возглавил Демьян Бойко-Павлов, выходец с хабаровского завода «Арсенал».

«В сентябре 1919 года пехотно-кавалерийский отряд Д. И. Бойко-Павлова совершил нападение на Корфовскую. Партизаны разгромили белогвардейский гарнизон, взорвали мост и сожгли станцию» — из книги «Героические годы борьбы и побед» (Москва, 1968 г.).

В сборнике «Этих дней не смолкнет слава» (Хабаровск, 1957 г.) описаны победоносные действия партизан в районе Корфовской. Спустя десятилетия стали доступны оценки другой стороны. «Отрядом красных 8 октября 1919 года станция Корфовская сожжена до основания», — сообщала газета «Уссурийский край».

«Восьмого октября около полуночи со стороны станции Верино подошел отряд красных до двухсот человек пеших и конных, — дополняла газета «Приамурская жизнь». — Перерезали телеграфные провода, начали грабить. Награбленное частью складывалось на подводах, частью тут же уничтожалось… Подожгли станционное здание. Забрали весь скот».

Та же газета в другом номере извещала, что начальник станции Дзюль, его помощник Гурский, дорожный мастер Бобошин, кочегар водокачки Полищук захвачены красными.

Иосиф Александрович был арестован у себя дома. Его повели в сопки, где допрос учинял сам Бойко-Павлов. Начальник станции возвратился к семье живым и невредимым… Но после всего перенесенного Дзюль оставил станцию, на которой работал с ноября 1902 года. Некоторое время он был ревизором на станции Хабаровск, а в 1922 году с женой и детьми перебрался в Харбин.

У первопоселенцев Корфовского трагические судьбы. Федор Степанович Бебко, выходец из волынских крестьян, открывший лавку, был арестован в апреле 1932 года и осужден на три года. Вероятно, из лагеря он не вышел. Посмертно реабилитирован в 1989 году.

Тимофей Федоренко, коренной корфовчанин 1903 года рождения, в 1938 году был приговорен к ссылке. Хотя ему еще повезло. Иван Филиппович Щедраков, уроженец Могилевщины, фигурирующий в судебно-следственных материалах как единоличник, был приговорен к высшей мере наказания.

Впрочем, это происходило позже, в двадцатые лесопильный завод был национализирован, открылась школа, доступная для детей из неимущих семей.

Первым представителем советской власти в поселке стал рабочий-железнодорожник Роман Сысоенко. В 1927 году был избран представительный орган местной власти — сельсовет. Его возглавил Ковалев, имя которого не сохранилось.

Открылись курсы кройки и шитья. Вообще женщины были активней мужчин. Кузнецова, Котловенко, Барановская, Новикова собирались в красном уголке. Многогранной деятельностью запомнилась депутат Быстрова. В 1924 году на станции Корфовской было четыре комсомольца и шесть коммунистов. Партячейку возглавлял Желтун.

С конца двадцатых годов миллионы соотечественников спешно оставляли родные места. Что за этим стояло — стремление избежать раскулачивания, желание участвовать в индустриализации?.. Историки до сих пор изучают причины массовой миграции в первые сталинские пятилетки. Приехавшие тогда в Корфовский: 1929 год — Плискины; 1932 год — Ковалевы, Серебренниковы, Борблики; 1933 год — Пасекины, Линкины; 1934 год — Крючковы… Более века назад перебрались на станцию Корфовскую Витковские — Вячеслав Мартынович и Арина Филипповна.

Уроженцы Малороссии, они познакомились в Хабаровске, куда прибыли с родителями. Венчались в Иннокентьевской церкви, что рядом с институтом физкультуры.

В 1909 году семья отправилась искать лучшей доли: крышу над головой в станционном бараке оба посчитали за счастье. Мужа взяли на железную дорогу, жена занималась домашним хозяйством. У них родилось одиннадцать детей, пятеро из них умерло в детстве. Жилось трудно как при царской власти, так и при советской. Выручал огород и лес, куда ходили за грибами да ягодами. Держали домашний скот, из которого Наталье Черной, внучке Витковских, запомнился бык. Наверное, потому, что он был единственным на всю округу, и владельцы буренок занимали к нему очередь.

Вячеслав Мартынович холил кормильца. По словам Натальи, дед запомнился неунывающим, склонным пошутить, поведать смешную историю из собственной жизни. Запомнилось внучке, как Арина Филипповна накрывала стол на 1 Мая и 7 Ноября, на Пасху и Троицу. А ведь могла бы поостеречься: православные праздники были не в чести!.. Ее родного брата Ивана Филипповича Щедракова расстреляли как врага народа. Тогда же, во второй половине тридцатых годов, к высшей мере наказания были приговорены начальник станции А. Н. Сичкаренко, рабочий склада взрывпрома С. С. Змеев, директор карьера Л. М. Руденко, десятник лесхоза К. О. Ивашкевич, истопник электростанции И. Ф. Кузнецов. Несчастья и слезы ошеломляюще соседствовали с успехами в социалистическом созидании. В Корфовском открылась больница, дала ток местная электростанция. В 1936 году через поселок прокладывается шоссе, которое свяжет Хабаровск и Владивосток.

ФАМИЛИИ НА МОНУМЕНТЕ

Девятого мая 1970 года, через четверть века после Победы, в Корфовском открыли монумент жителям поселка, павшим за свободу и независимость Родины в годы Великой Отечественной войны. Увековеченный в камне красноармеец в каске со звездой будто смотрел с постамента на собравшихся, будто искал взглядом тех, кто защищал Москву, возвращал Одессу, брал Берлин.

На митинге с трибуны перечислялись фамилии жителей поселка, которые не вернулись с войны. Их имена зачитали в торжественной обстановке, с красными знаменами, это как никогда растрогало близких, в глазах стояли слезы. Но были и непонимание, обида, желание восстановить справедливость — это чувства людей, родных которых на митинге не назвали, хотя они воевали и погибли. Стало ясно, что предстоит большая поисковая работа, что нужно обращаться в военкомат, архивы…

Владимир Стрельников, который был председателем исполнительного комитета поселкового Совета, в преддверии двадцатипятилетия Победы пробил финансирование постройки монумента, но в юбилейный год все было уже загружено.

Пришлось рисковать, но работа была сделана безупречно. Во-первых, в срок. Во-вторых, доброкачественно, что подтвердили минувшие с 1970 года десятилетия. Исполненный в камне красноармеец в 1992 году благополучно переехал на улицу Таежную, к новому Дому культуры.

Но на новом месте монумент погибшим корфовчанам стал вроде забегаловки для проезжавших по Владивостокскому шоссе. Там пили и закусывали, бросали окурки.

Участник Великой Отечественной, председатель поселкового Совета ветеранов Григорий Павлович Алдухов вместе с другими фронтовиками и тружениками тыла не только добился перемещения монумента на прежнее место, но и взялся за его реконструкцию. Первым помощником ему стал сын Алексей Алдухов, офицер запаса, служивший в группе советских войск в Германии.

Владимир Павлович Гудков, Владимир Ильич Сапельник, Яков Герасимович Плотников, Яков Иванович Щедраков… Это они, перешагнувшие восьмой десяток, их сверстники, беспокойные сердца, трудились с утра до вечера. Готовили опалубку, замешивали бетон, выравнивали плоскости. Это был их последний окоп, который они не могли оставить. Составной частью монумента стал список корфовчан, погибших в Великую Отечественную. В этом списке пятьдесят шесть фамилий.

Рядом школьники высадили саженцы кедра, которые за два с лишним десятилетия стали большими и красивыми деревьями. Татьяна Омельченко, Эдуард Васецкий, Татьяна Макарова — школьники, не жалевшие времени на поисковую работу.

Первыми из Корфовского в действующую армию были призваны Андрей Семенович Фурсов, Павел Трофимович Серебренников, Александр Васильевич Стародубов.

Фурсов родился в 1907 году, работал в карьере кузнецом. Воевал в 119-й гвардейской стрелковой дивизии на Северо-Западном фронте, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Погиб в январе 1945 года при освобождении Прибалтики.

Серебренников обосновался в Корфовском в 1932 году. В семье было восемь детей. Его дочери вспоминали, что отец работал в карьере бригадиром камнеломов. Это был тяжелый труд, в котором перфораторный молоток дополняла кувалда. Павел Трофимович считался стахановцем. В составе 81-й гвардейской стрелковой дивизии Серебренников сражался под Сталинградом, Курском. Вражеская пуля оборвала его жизнь в июле 1943 года на подступах к Белгороду.

Стародубов родился в 1918 году. Учился в школе, пошел работать, успел жениться… Призвали его вместе с женой Екатериной. Она прослужила всю войну в противовоздушной обороне. Ее муж Александр Васильевич Стародубов до Победы не дожил: он погиб в декабре 1943 года при освобождении Белоруссии.

Корфовчанин Иван Дудницкий был призван в действующую армию в 1942 году, и в письмах домой он рисовал себя путешественником. То он в Горьком, то в Москве, то по другую сторону Волги, видимо в Сталинграде. Четыре раза присылал фотокарточки. Писал, что крутит баранку, как на гражданке. Погиб Иван Матвеевич в 1944 году.

В скорбном списке павших на мемориале трижды встречается фамилия Татура. Братья Александр Григорьевич, Николай Григорьевич, Филипп Григорьевич не пожалели своих жизней для победы над врагом. Не возвратились с войны трое братьев Сиводиных — Григорий Николаевич, Дмитрий Николаевич, Михаил Николаевич. Таких семей в Корфовском было немало.

«…Мои дедушки, семеро братьев, здоровые, высокие, красивые, ушли на фронт. Но вскоре моя прабабушка получила первую похоронку. Затем вторую. А когда пришла третья черная весть, дрогнуло сердце матери. Моя прабабушка умерла, не зная, что четвертая похоронка пришла после ее смерти. Протас погиб последним накануне Победы, под Берлином 29 апреля 1945 года…» — писала в сочинении ученица средней школы Елена Ефремова.

Четверо братьев Ефремовых — Степан Тимофеевич, Павел Тимофеевич, Дмитрий Тимофеевич, Протас Тимофеевич — погибли, но не позволили врагу завоевать просторы Отчизны. Их фамилии на монументе — частичка памяти, которая передается из поколения в поколение.

На митинге при открытии монумента в 1970 году среди павших не был назван Николай Гребенюк. Его сестра Надежда понимала почему. Брат значился в списках без вести пропавших. Считалось, что боец сдался врагу, хотя должен был последний патрон пустить в себя. Это упрощенное восприятие войны отошло в прошлое с разоблачением культа личности. Надежде Кирилловне удалось вы-

яснить, что брат воевал в лыжно-стрелковом полку под Старой Руссой — городе Новгородской области. В своем первом письме с фронта, которое стало последним, рядовой Гребенюк писал: «Идем освобождать Старую Руссу».

Он занесен в первую часть книги памяти Хабаровского края, увековечен на монументе в Корфовском. Его брат Иван Кириллович Гребенюк, член Союза художников России, уже на стыке XX и XXI веков написал маслом портрет генерал-губернатора Андрея Николаевича Корфа, который хранится в музейной комнате культурно-досугового центра, а в праздники выставляется на всеобщее обозрение.

Такое смешение эпох, пожалуй, неслучайно. И потому, что барон Корф, в честь которого названы станция и поселок, в середине XIX века достойно воевал и был ранен. И потому, что в XX веке поколение Николая Гребенюка жертвовало жизнями ради будущего соотечественников.

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

«Считать призванными в ряды РККА и произвести полный расчет» — эта фраза в книге приказов Корфовского каменного карьера с лета 1941 года встречается неоднократно. Белов, Бондаренко, Галкин, Зубарев, Курганкин, Курочкин, Полторабатько, Соловьев, Швецов получили полный расчет в один день. Но какие бы кадровые бреши ни наносила война карьеру, он продолжал работать.

Потребность в корфовском камне возросла после назначения командующим Дальневосточным фронтом генерал-полковника Иосифа Родионовича Апанасенко. Он проверил подъезды к воинским частям, которые в распутицу тонули в глинистой жиже, парализуя переброску живой силы и вооружения. По его распоряжению прокладывалась автодорога Хабаровск — Куйбышевка — Восточная (ныне Белогорск) протяженностью без малого в тысячу километров. Расширялась аэродромная сеть. Возводились доты и дзоты, другие оборонительные сооружения: Япония не отказалась от планов нападения на СССР.

Камень и щебень были без преувеличения стратегическими материалами. На смену призванным в действующую армию мужчинам приходили женщины, подростки, старики. Дарья Спиридоновна Дудницкая была юной девушкой, но пришлось взять в руки кувалду. Первая механизированная дробилка будет пущена в 1943 году. Ее производительность по сегодняшним меркам мизерна — всего десять кубометров щебня в смену. Но семь с лишним десятилетий назад это был прорыв от ручного труда к механизированному. Хотя главным инструментом в производстве камня и щебня оставалась кувалда.

Как рассказывала дочери Дудницкая, смена продолжалась десять часов. Были отменены отпуска, введена уголовная ответственность за опоздания и прогулы. В упомянутой книге приказов записано: седьмого августа 1944 года рабочий Охремеев дезертировал с производства; рабочий Хижалов совершил самовольную отлучку, выехав в Хабаровск. Наказание за нарушение трудовой дисциплины — привлечение к ответственности «путем направления материалов в 3-е отделение ГУЛАГа НКВД».

Охремеева и Хижалова посадили… В приказе, который подписан двадцать пятого февраля 1942 года, констатируется, что рабочий Будин двадцать третьего и двадцать четвертого февраля не вышел на работу. «Дело об отказе от работы, — формулирует директор карьера Глинкин, — передать в следственные органы для привлечения к уголовной ответственности…» Возвращаясь к судьбе Дудницкой, надо сказать, что после войны она работала в карьере, обзавелась семьей. Жизнь прожила скромно и достойно.

В войну тринадцатилетней девчонкой пришла в карьер Евдокия Карловна Бошина. Толкала вагонетки с камнем с такими же подростками, как она. Было тяжело, не хватало сил, но карьер не оставила, Победу встретила вместе с измотанными тяжелым трудом, полуголодными сверстницами. Но в мае 1945 года все они были неимоверно счастливы… Евгения Карловна работала в Корфовском каменном карьере до пенсии. Дочери Вале она рассказывала, как добры были в войну люди, как старались друг друга поддержать.

Дарья Николаевна Белогорохова перед войной вышла замуж. Когда мужа призвали в действующую армию, Дарья отправилась в карьер устраиваться на работу. Мыла полы в конторе, вершина ее трудового пути — машинист насосной станции уже после победы. А в войну работа в карьере, разная, но всегда нелегкая, помогла ей пережить гибель мужа на фронте, поставить на ноги детей.

Ученица Корфовской средней школы Елена Ефремова написала в сочинении и о своей бабушке Александре Тимофеевне Ефремовой. Ей было восемнадцать лет, когда началась война, и она работала в карьере. В сочинении говорилось о том, что бабушка участвовала в сборке снарядов. Но ведь в Корфовском каменном карьере боеприпасов не собирали!

Виктор Иванович Ефремов, сын Александры Тимофеевны, рассказывает, что маму вместе с другими женщинами возили на Красную Речку. По мнению хабаровского военного историка Анатолия Мережко, такого нельзя исключать. Порох производили в поселке Эльбан Комсомольского района. Обрабатывали отливки в краевом центре всюду, где имелись станки. Возможно, сборка производилась на Красной Речке, где дислоцировались части Дальневосточного военного округа. После нападения Германии на Советский Союз перед его командованием была поставлена задача наладить производство оружия и боеприпасов на месте. Понятно, не все складывалось идеально. Не об этом ли писала ученица Корфовской средней школы со слов Александры Тимофеевны Ефремовой: «…один раз у них разорвался снаряд. Погибли люди, а бабушку контузило, и она до конца своей жизни плохо слышала».

С 1941 года начальником станции Корфовская работал Михаил Николаевич Игнатенко. «Отец днем и ночью был на станции, дома мы его не видели», — рассказывала его дочь Нина Михайловна Полякова.

Если до войны основной поток грузов шел с запада на восток, то в годы войны основным грузовым направлением стало направление с востока на запад. Ввиду специфики Дальневосточного фронта, его близости к границе, продвижение подвижного состава с востока на запад в темное время суток проходило в условиях светомаскировки. Иначе говоря, без световых сигналов, и это требовало от железнодорожников высокого профессионализма и особой бдительности.

В 1943 году на всех магистралях страны вводится военное положение. Рабочие и служащие объявляются мобилизованными, получают воинские звания. Михаилу Игнатенко присваивается звание инженер-лейтенанта движения, начальнику Дальневосточной железной дороги Трофиму Пушкову — генерал-директора движения. За безупречный труд Игнатенко награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Существует легенда, что летом 1945 года Игнатенко и командир части, дислоцированной в Корфовском, встречали Георгия Константиновича Жукова. Как рассказывал Михаил Николаевич, свое появление маршал объяснил тем, что приехал за своей женой, подполковником медицинской службы, которая инспектировала госпитали Дальневосточного фронта. Вероятно, имелась в виду Лидия Владимировна Захарова, фронтовая жена Жукова, начинавшая войну фельдшером. Библиотекарь Корфовской средней школы Галина Андреевна Полякова убеждена: маршал Победы прибыл с инспекцией накануне объявления войны Японии.

Как полагает военный историк Мережко, умалчивать о том, что семь десятилетий передается из уст в уста, неразумно. Может, после публикации найдутся подтверждения пребывания Жукова в Корфовском или, наоборот, невозможности его вояжа из Берлина, где он был главнокомандующим советскими оккупационными войсками в Германии.

ПРИШЕЛ ТАНКИСТ С ФРОНТА

Повестку о призыве на службу Григорий Алдухов получил в 1943 году, когда Красная армия, дав решительный отпор врагу под Сталинградом, переходила в наступление на всех фронтах. У дальневосточников, ехавших на запад в воинском эшелоне, было отличное настроение. Григорию не повезло: в пути он серьезно простыл и был снят с эшелона в Прибайкалье. От воспаления легких его лечили в госпитале, после чего Алдухов обратился к военному коменданту Шимановска с просьбой направить его в формировочный пункт. После прохождения карантина и принятия присяги он оказался в 358-м танковом полку неподалеку от Благовещенска. Сначала крутил баранку, потом пересел за рычаги танка.

В августе 1945 года Советский Союз, верный союзническим обязательствам, объявил войну императорской Японии; Красная армия наступала от Забайкалья до Курил. Полк, в котором служил механиком-водителем танка Алдухов, с боями продвигался по Большому Хингану.

«Мы устремились в глубину территории на расстояние до пятисот километров. На пути следования были укрепленные районы, о которых наши не знали. Выйдя к реке Айгунь, мы встали на ночлег, а на рассвете попали под огонь противника. Много погибло наших воинов, и пришлось отступать. Укрепления японцев были построены с расчетом на длительную оборону. Они имели запас вооружения и продуктов, автономное энергоснабжение, непробиваемые стены. Только когда подошли наши тяжелые орудия, мы смогли разбить укрепрайон. И таких на нашем пути было три…» Сохранился на бумаге рассказ Алдухова о том, как он был в дозоре. «…Шорох в кустах. Подумал: может, дать предупредительный выстрел?.. Присмотрелся и увидел трех японцев. Тогда открыл огонь на устрашение. Двоим удалось скрыться, но третьего взяли в плен. Он признался, что группа имела задание устроить диверсию в месте дислокации полка».

В Корфовский, где жили родители, Григорий приехал после демобилизации в 1949 году. В том же году умер от заболевания раком его старший брат Егор. Всю войну и в послевоенные годы Егор Павлович Алдухов работал каменщиком. Женился на Евдокии Елиной. В семье Егора и Евдокии Алдуховых подрастало двое сыновей.

Тогда же демобилизованный танкист Григорий Алдухов совершил поступок, который обсуждался едва ли не в каждом доме поселка. Григорий взял в жены Евдокию, вдову брата. Со временем семья выросла до шести человек: к Вите и Алеше, сыновьям Егора и Евдокии, прибавились Татьяна и Сергей, дети Григория и Евдокии.

Мать работала в поселковой бане, и к возвращению с работы главы семейства все его ждали. И для того, чтобы вместе поужинать, и для того, чтобы обсудить семейные дела. Григорий Павлович каждому давал задание. В доме, где о коммунальных удобствах не знали, забот хватало. Надо было протопить печь, наколоть дров, припасти воды, для чего с ведрами отправлялись к водонапорной колонке.

В Корфовском каменном карьере Алдухов сроднился с машинами, моторами, мог по звуку определить неполадки, устранить их своими руками. С ним стали советоваться, он окунулся в рационализаторство, его начали двигать по карьерной

лестнице. Однако из механиков горного цеха он ушел в машинисты экскаватора. Не задержался и в механиках дробильного цеха, но в 1960 году, когда в дробильный цех поступает новое оборудование, Алдухов взялся за его монтаж в должности прораба. А еще привел в дробильный старшего сына Виктора...

В 1963 году после восьми классов оставил школу и устроился в карьер второй сын Алексей. Старшие сыновья стали первыми помощниками Григория Павловича, когда он решился строить новый дом — кирпичный. Этот дом возвышается на улице Арсеньева, с тремя комнатами, окнами, выходящими на огород, широкими половицами.

В 1965 году Алексея призвали на срочную службу. Он решил стать офицером и перед сдачей экзаменов в высшее общевойсковое командное училище приехал в Корфовский, где состоялась его свадьба. Четверть века отдал Вооруженным силам Алексей Алдухов. Довелось служить в ГДР, и когда получал очередной отпуск, то отправлялся не на Черное море, а в Корфовский. Общение с отцом, братьями, сестрой, встречи с друзьями детства, разговоры с учителями, которые не забыли своего ученика, наконец, его величество Хехцир действовали на самочувствие служивого наилучшим образом. А когда достиг выслуги лет, сомнений не было, куда отбывать на жительство после увольнения в запас. Конечно же в Корфовский.

Бывший начальник политотдела дивизии стал директором Дома культуры Корфовского каменного карьера, введенного в эксплуатацию в пору перестройки. Первым делом, за которое взялся Алексей Егорович, было создание музейной комнаты. Приближалось столетие поселка и хотелось достойно представить в фотографиях и документах его историю.

Напротив отцовского дома на улице Арсеньева огороженный участок земли, на котором можно увидеть Сергея Григорьевича Алдухова — младшего из семьи Алдуховых. Он твердо решил строить дом в Корфовском.

Старший брат Виктор Егорович Алдухов с юности работал в Корфовском каменном карьере, откуда ушел на пенсию. Татьяна Григорьевна после замужества перебралась в Ильинку, но связи с братьями не потеряла. Что касается Алексея Егоровича, от руководящей работы он отошел, но до последнего времени отвечал за эксплуатацию культурно-досугового центра — так называется теперь Дом культуры.

Алексей Егорович признается, что в последнее время ему снится сенокос. По краям поля стелется туман, в росе разнотравье, прохлада приятно будоражит голову. Косарей трое: Алексей, еще школьник, старший брат Виктор и, конечно же, отец. Его движениям братья пытаются подражать. Вжик, вжик, — слышат они звук отцовской косы. Впереди была целая жизнь…

ШКОЛА БОЛЬШАЯ И МАЛЕНЬКАЯ

В библиотеке Корфовской средней школы можно увидеть прошлое, запечатленное на фотографиях. Вот дом лесопромышленника Лягина, в котором разместилась школа. Было это в 1921 году, на Дальнем Востоке еще не закончилась Гражданская война, но на станции Корфовской уже стали учить детей читать, писать, считать. До этого такой возможности, похоже, не было.

Еще одно фото: бревенчатое строение, судя по внешнему виду, оштукатуренное снаружи. Это дом жандарма Новикова, он был просторней дома лесопромышленника Лягина, и школа переехала туда. Похоже, оба господина покинули станцию Корфовскую, когда выяснилось, что советская власть берет верх и возврата к прежнему не предвидится. Дома были национализированы, в залах и спальнях

поставили столы и лавки, чтобы проводить уроки. Школа в Корфовском считалась начальной. Сохранились фамилии учителей: ими были Ада Карловна Шевлович и Дора Константиновна Самойлова. Их вспомнил Николай Иванович Бакалов, старожил Корфовского. А в 1937 году он, мальчик Коля, отправился в первый класс.

В 1940 году школа справила новоселье в специально построенном для нее здании у Владивостокского шоссе. О школе, которая не забыта старшим поколением Корфовского, напоминает улица Учительская. Корфовская школа обрела статус средней. До того желающие продолжить учебу после седьмого класса отправлялись на Красную Речку, где не только учились, но и жили кто у родственников, кто на съемной площади.

Война — особая страница в истории школы. Это и воскресники, когда ученики отправлялись в лес с топорами и пилами, чтобы вернуться с дровами для школьных печей. И сбор картофельной кожуры, иначе говоря очистков, которые приносили из дома и, дождавшись появления глазков, высаживали на пришкольном участке. Сами же клубни были, пожалуй, главным продуктом каждой семьи, ведь хлеб выдавался по карточкам.

Война кончилась, но жизнь подбрасывала новые испытания. Из школьных архивов следует, что на классных руководителей возлагался сбор и учет семенного картофеля, направляемого в районный фонд. Нетрудно догадаться, что колхозное начальство при содействии райкома, райисполкома, районо собственные просчеты латало усилиями педагогических коллективов.

В старших классах было введено платное обучение, хотя не все родители имели возможность заплатить. К примеру, задолженность за обучение ученика корфовской средней школы Бегунова составила сто пятьдесят рублей. Но парень не был отчислен, что подтверждает официальное свидетельство: «учительский коллектив своими средствами погасил задолженность». А ведь сами учителя едва сводили концы с концами. Огородная комиссия, созданная при местном комитете профсоюза, добивалась, чтобы поселковый Совет выделял земельные участки для посадки картофеля. Помидоры и огурцы, редиску и лук высаживали рядом со школой.

В послевоенные годы упала успеваемость. Из пятисот учеников каждый третий был двоечником. После окончания учебного года десятки человек получали задания на осень. Такая же картина наблюдалась в других школах страны. Школьники в массовом порядке пропускали уроки. Не потому, что не хотели учиться: им не во что было одеться и обуться. Появляться на людях в латаной-перелатаной одежонке было стыдно, а на приобретение обновок в семье не хватало денег. Учителя переключали внимание ребят на спортивные состязания, художественную самодеятельность, техническое творчество, в чем мог отличиться каждый, включая двоечников и хулиганов. Вера в собственные силы помогала найти правильный путь в жизни, покончить с дурными пристрастиями.

Полковник МВД Леонид Семенович Примаков, учившийся в корфовской средней школе с 1944-го по 1954 год, прислал письмо, полное глубокого уважения к педагогам, фамилии которых он запомнил на всю жизнь. Это русовед Клара Матвеевна Понятаева, историк Мария Федоровна Забирова, химик Серафима Яковлевна Серебренникова, «которые, будучи ненамного старше своих питомцев, смогли наставить их на путь истинный». Это физрук Яков Иванович Щедраков: «он учил работать на перекладине, кольцах, канате». Это директор школы Вениамин Матвеевич Понятаев, благодаря которому была оказана помощь не только ученику Примакову, но и его семье.

За строительством трехэтажного школьного здания, поднимавшегося на улице Арсеньева, следил весь поселок. Еще бы: впервые в Корфовском использовали подъемный кран. В новой школе начались занятия в 1960 году, тогда же закрылась

начальная школа в верхней части поселка, но школа у Владивостокского шоссе продолжала работать. В ней оборудовали слесарные и столярные мастерские, кабинет домоводства, классы продленного дня. Эту школу стали называть маленькой, ведь она оставалась одноэтажной. Так в лексиконе учителей и учеников прижились два понятных всем термина: большая школа и маленькая школа. У каждой свое предназначение, и когда в маленькой школе возник пожар, ее спасали старшеклассники, которые прибежали из большой школы. Они тушили огонь, подавали из окон горящего здания парты, книги, наглядные пособия. Потом все радовались, что маленькую школу отстояли.

А большая школа после окончания строительства преображалась изнутри и снаружи. Благодаря биологу Валентине Яковлевне Петровой появился дендрарий, где получили прописку представители дальневосточного растительного мира. Молодой математик Алла Александровна Фещенко составила расписание уроков, которое позволило перейти на кабинетную систему. Директор школы Владимир Георгиевич Коваленко собственноручно изготовил для каждого кабинета шкафы с застекленными полками. В 1976 году девятиклассница Людмила Сычева, защитив личный комплексный план участника ленинского зачета, отправилась по путевке комсомола в лагерь «Орленок» на черноморском побережье. В 1974 году санитарная дружина школы, руководимая школьным фельдшером Галиной Бурковской, победила на всесоюзных соревнованиях. Пионерская организация школы, которая носила имя легендарного военного летчика трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба, включилась в операцию «БАМу — пионерские рельсы».

Да, глобальные перемены похоронили пионерию и комсомол, поменяли учебники и название страны, но неизменны педагогический талант, стремление юношества к знаниям. А потому в школьной хронике не убавилось позитива. Ирина Геннадьевна Давыдченко принимала участие во Всероссийском совещании учителей литературы. Юрий Косицын стал призером регионального тура Всероссийской олимпиады школьников по биологии. Команда корфовской школы вышла в призеры краевого конкурса «Цифровые каникулы».

Больше десятка лет работает в школе учитель биологии Юлия Николаевна Киценко. Коллегам известно ее пристрастие, которое не вмещают рамки предмета, — это экология, где знания — лишь одна составляющая. Другая, не менее важная, — участие. Например, в изучении сосны, подорожника, других растений-индикаторов, по которым выявляется негативное воздействие на окружающую среду. Еще в устройстве кормушек для птиц в холода, противодействии рубкам елок накануне новогодних праздников, иных природоохранных проектах, за что корфовская средняя школа удостоилась первого места в Хабаровском районе. А восьмиклассник Лев Щук стал победителем Всероссийского конкурса «Юный исследователь окружающей среды».

Ветераном педагогического труда можно назвать учителя физкультуры Тамару Алексеевну Толстоногову. Она отмечена знаком «80 лет Госкомспорту России», ее воспитанники участвуют в соревнованиях школьников районного и краевого масштаба. Среди тех, кому увлечение спортом помогло определиться с выбором жизненного пути, — курсант Академии государственной пожарной службы Константин Учкин, между прочим, игрок футбольной команды Министерства по чрезвычайным ситуациям; студент магистратуры Тихоокеанского государственного университета Алексей Бондарь, выступающий за волейбольную команду вуза, председатель его студенческого спортклуба.

Но где бы ни жили выпускники корфовской средней школы — в Москве, Хабаровске, родном поселке, они понимают, что их успехи, большие или маленькие, берут свое начало в незабвенной альма-матер на улице Арсеньева. Серый кирпич

фасада, огромные окна — и напутственный взгляд учителя: «Не теряйся, мы верим, ты можешь!..»

ВЕРА. ЖИЛКОМХОЗ. РЕАБИЛИТАЦИЯ

Железная дорога была составной частью Оборского леспромхоза. Он гремел по всему СССР как миллионник. Иначе говоря, заготавливающий миллион кубометров деловой древесины. Это имело стратегическое значение: не случайно в войну отец имел бронь и не был призван на фронт. В Оборский леспромхоз с начала тридцатых годов направляли раскулаченных крестьян. Александр Федорович и Анастасия Алексеевна Бойко с тремя детьми были переселены из Амурской области.

— Папе и маме тогда было по тридцать лет, — рассказывает Вера Александровна Панкова (до замужества Бойко). — Они жили в селе Березовка недалеко от Благовещенска. Держали лошадь, корову. Дом не успели достроить…

Как попали в кулаки, кто написал донос в остервенелом стремлении опорочить молодую и трудолюбивую семью, Александр и Анастасия не знали. Уповать на возвращение прежней жизни, свободной и сытной, не приходилось: надо было обустраиваться на новом месте, обзаводиться огородом, хозяйством, чтобы самим не голодать и кормить детей, которых в семье родилось шестеро. Правда, до совершеннолетия дожили двое — Владимир, который перебрался из Обора в Корфовский, устроившись в каменный карьер, и Вера, последовавшая вслед за ним в 1969 году. Причем не одна, а с родителями, которые купили дом на улице Чапаева у водонапорной колонки.

Председатель исполкома Корфовского поселкового Совета Василий Улиско принял Веру бухгалтером. Через три года директор Хехцирского лесхоза Геннадий Шелогаев уговорил ее перейти главбухом в лесхоз. Владимир Стрельников, сменивший Улиско на посту председателя исполкома, не без поддержки районных властей вернул Веру в исполком. Причем с повышением: ее избрали депутатом и назначили секретарем исполкома.

Сложилась и личная жизнь. В замужестве Вера родила сына и дочь. Сын учился на пятерки, но утратил способность передвигаться после ошибки медиков — неправильно сделанного укола. Когда он умер, Вера Александровна, которой должностными обязанностями вменялось регистрировать браки и разводы, рождения и смерти, открывая журнал записи актов гражданского состояния, не могла сдержать слез…

Ее пригласил директор каменного карьера Григорий Чумаков и предложил должность начальника ЖКО, которым она руководила без малого два десятка лет.

Жилфонд карьера тогда насчитывал двадцать пять домов, включая шесть двухэтажек, три четырехэтажки и столько же пятиэтажек, а также коттеджи. В ведении ЖКХ были электрические и тепловые сети, насосные станции, водоразборные колонки и водопроводы. Плюс газовое хозяйство: плиты и газгольдерные в микрорайоне многоквартирных домов, газовые баллоны в частном секторе. Персонал соответствующий: сантехники, сварщик, электрик, газовщик. В основном, как с иронией вспоминает Вера Александровна, выпивашки, нетрудяшки, болташки. Она взялась за подбор кадров.

В электроцехе каменного карьера присмотрела Николая Мажугу. Молодой, толковый, улыбчивый. Подумала: в самый раз для работы в жилмассиве!.. Главным ее аргументом стала комната в общежитии. По меркам советского прошлого, когда молодые семьи годами теснились на родительской жилплощади, это была не комната, а квартира.

Из ПМС — передвижной машинной станции, где семейные пары ютились в железнодорожных вагонах, — Панкова привела газоэлектросварщика Вячеслава Кузнецова, водителя и крановщика Николая Захарова, двух Валериев — Пекарева и Панфилова, согласившихся работать сантехниками. Со временем они переселились из общежития в благоустроенные квартиры: руководство карьера принимало доводы Панковой, что зарекомендовавших себя специалистов нужно закреплять, в том числе предоставлением жилья.

Расширялось газовое хозяйство — рос профессионализм Бориса Назарчука, который занимался профилактикой, обходя квартиры, обслуживал газгольдерные, подключал баллоны. Его сменил Борис Мельников, тоже знающий и непьющий. Николай Евгеньевич Мажуга был переведен из электриков в мастера. Панкова убеждала дирекцию карьера избавиться от перекоса в премировании, когда на основном производстве получали вдвое больше, чем на вспомогательном, в том числе ее отделе.

В Корфовском такие же дома, что и в Хабаровске. Пятиэтажки из силикатного кирпича, как на городских бульварах, «панельки», как в Первом микрорайоне. В 1983 году на улице Таежной был сдан дом новой серии домостроительного комбината с выходящими за пределы фасада лоджиями. Котельная не справлялась с возросшими нагрузками. Директор карьера Анатолий Филимонов распорядился включить в систему теплоснабжения… паровоз. Среди трех машинистов, спешно разысканных в штате карьера, оказался Владимир Панков — муж Веры. Паровоз и тряхнувшие стариной машинисты не дали замерзнуть новоселам. Дефицит тепла был сведен к нулю строительством и запуском новой котельной каменного карьера.

Наступило время невиданных перемен. Предприятия, создававшие соцкультбыт десятилетиями и гордившиеся им, в соответствии с новыми установками начали от него избавляться. По решению поселкового Совета депутатов, который возглавлял Владимир Погодин, ЖКО каменного карьера преобразуется в жилищно-коммунальный участок с подчинением местной администрации. Вера Александровна успокаивала коллектив: сокращений не ожидается, работы только прибавится.

И точно: участок преобразовывается в ММПП — муниципальное многоотраслевое производственное предприятие. Ему передаются жилфонд и сети каменного карьера, десять домов «Сахалингеологии», два дома передвижной машинной станции… Панкова принимает от дистанции гражданских сооружений Дальневосточной железной дороги тепломагистраль, которая оказывается в удручающем состоянии. Сразу начинается ее ремонт.

Штат ММПП расширяется до двухсот человек. Укрепляется материально-техническая база: предприятие обзаводится ремонтно-механическими мастерскими, складами. В его автохозяйстве кран, «вышка», бензовоз, трактор «Беларусь». И МАЗы, КамАЗы… Что произошло потом, Панкова, с ее опытом работы в ведомственном и муниципальном жилкомхозе, называет дурью. ММПП ликвидируется, и в Корфовском, как и других поселениях района, создаются участки межмуниципальной управляющей компании.

Руководители участка менялись как перчатки. Назначенцы, которые сами не жили в Корфовском, а приезжали сюда на работу, узкие места местного жилкомхоза воспринимали отстраненно. Вера Александровна, неизменный зам при всех начальниках, как стойкий оловянный солдатик, принимала на себя недовольства корфовчан, собственников и нанимателей жилфонда, старалась помочь, насколько было возможно.

В 2015 году ей исполнилось восемьдесят лет. Не работает она четыре года, но по-прежнему в курсе происходящего в поселке. На дачи и огороды у сопки прикатили землеустроители. Вера Александровна направилась к ним. Неужели лишат земли пенсионеров, у которых на грядках лучок и редисочка, а то и сараюшки с

курами, прочей живностью?.. Как выяснилось, руководство карьера намерено строить коттеджи. Вопрос Панковой не в бровь, а в глаз: зачем еще что-то возводить, когда в построенном карьером многоквартирном доме на улице Таежной большинство квартир пустует?

Корфовский на глазах Панковой становится поселением пенсионеров. Да, здесь чистый воздух, отменная вода, но где работать молодым? Лесхоз закрылся, ликероводочный завод тоже. В железнодорожных организациях нескончаемые сокращения. Была участковая больница — теперь ее нет.

Вера Александровна показывает квитанцию за коммунальные услуги. Вдвоем с мужем они занимают двухкомнатную квартиру, и только за отопление им начислено семь тысяч рублей. Это в два с лишним раза больше, чем вносят за такую же площадь в Хабаровске!.. Переживает Панкова не за себя: государство оплачивает половину коммунальных платежей ей, официально признанной жертвой политических репрессий. Но у молодых, как правило, льгот нет. Где взять такие деньжищи на оплату коммуналки? Почему власть и карьер, как производитель тепловой энергии, не ищут пути сокращения затрат, снижения стоимости гигакалории, а значит уменьшения платы за отопление и горячую воду?

В пятидесятые годы, когда началась первая волна реабилитации, отец и мать никаких бумаг на этот счет не получали, сами обращаться в инстанции не пожелали. Хотя пережили немало, ведь они, как и другие ссыльные, считались врагами народа. В восьмидесятые годы, во вторую волну реабилитации, к Вере обратилась троюродная сестра Зинаида. Она решила добиваться справедливости в суде. Вера выступила свидетелем, что Зинаида жила в Оборе в семье ссыльных. Судья, которая вела процесс, посоветовала Панковой представить документы, ведь признанные жертвами политических репрессий получали право на льготы.

— У меня жизнь сложилась нормально. Училась, работала, несла общественные нагрузки, ущемленной себя не ощущала, — говорит Вера Александровна.

У старшего брата Владимира, который на восемь лет ее старше, работавшего в каменном карьере, было не так гладко. Все признавали его грамотность, деловые качества: по производственной линии Бойко продвинулся до главного инженера карьера. А дальше было невозможно, ведь он не был членом КПСС, поскольку принимать в партию детей врагов народа не рекомендовалось даже после разоблачения культа личности.

Сколько в Корфовском таких людей, которые в полной мере не реализовали себя, встречали препоны, явные и скрытые, не говоря уже об их родителях, как правило трудягах, за что они были отнесены к кулакам, к врагам народа?.. С доброй памятью о них, честных, добрых, одаренных, живет Вера Александровна Панкова, живут другие корфовчане старшего поколения, судьба которых пролегла через страшные годы сталинщины. Они сами, их дети и внуки убеждены: подобное не должно повториться!

«ЖИВОНОСНЫЙ ИСТОЧНИК»

В конце XIX — начале XX века между Владивостоком и Хабаровском курсировал вагон-храм. На станциях и разъездах в вагоне-храме, вмещавшем до пятидесяти прихожан, проходили церковные службы, исполнялись православные обряды. Кто из корфовчан был крещен в вагоне-храме Уссурийской железной дороги, кого из них венчали, сегодня не узнать. Не только потому, что сто лет прошло. В 1917 году новая власть взялась арестовывать священников, уничтожать церкви и церковные книги, в которые записывались фамилии прошедших крещение, венчание, отпевание.

Десятилетия борьбы партии и государства с религией сделали свое дело, но как только запреты пошли на спад, люди потянулись к Богу. И Корфовский — не исключение. На автобусах и электричках отправлялись люди в хабаровские храмы с желанием поучаствовать в службе, исповедоваться, причаститься.

Восьмого октября 2008 года на собрании, в котором участвовали глава поселка Анатолий Зель, генеральный директор Корфовского каменного карьера Дмитрий Левин, секретарь Хабаровской епархии протоиерей Олег (Хуторской), был образован православный приход в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник». Председателем приходского совета была избрана Татьяна Ахтомзянова.

Начались регулярные богослужения, для проведения которых предоставлялось помещение в здании поселковой администрации. В первом крещении участвовало столько народа, что на всех не хватило крестильных принадлежностей. Обряд крещения совершали семьями. Такая была тяга соединиться с Богом.

Не обходилось и без пересудов. Пожалуй, чаще других упоминали Ахтомзянову, и это понятно. В перестроечные годы она была секретарем партийной организации Хехцирского лесхоза. Один из священнослужителей, приезжавших в Корфовский на богослужения из Хабаровска, на досужие подзуживания ответил так: «У каждого свое время, когда Господь допускает до себя…»

Выпускница лесотехнического вуза Татьяна Польских (в замужестве Ахтомзянова) прибыла в Хехцирский лесхоз по распределению в 1975 году. Работала инженером, начальником цеха. Человек активной жизненной позиции, она сразу окунулась в водоворот общественной жизни, стала членом партии, потом возглавила партийную организацию лесхоза. Но в раннем детстве у нее была другая жизнь, в которой Таня вместе с бабушкой на коленях молилась, вглядываясь в иконы, стоявшие в углу частного дома. В три года она без запинки знала «Отче наш». В пять лет ее крестили. Память сохранила праздничное облачение священника, залитую солнцем горницу. Что-то трудноуловимое осталось в душе, и когда Татьяна стала студенткой технологического института в Красноярске, ноги в пасхальную неделю сами вели в единственную сохранившуюся в городе церковь.

Сколько было таких бабушек, учивших внуков молиться, крестивших их тайком, заронивших в юные души семена православия?.. Прошли не годы — десятилетия, прежде чем эти семена взошли, причем не в лучшую пору, когда запрет КПСС, развал СССР повлекли за собой безработицу, обнищание, хаос. Вера в Бога оказалась для многих спасением. Ахтомзянова не скрывает, что крушение государственных институтов она восприняла с душевной болью, хотя понимала их несовершенства. Будучи уже в лоне церкви, возглавляя приходской совет, она не ожидала увидеть на крещении Таисию Петровну Ветрюк, с которой работала в лесхозе и которая рекомендовала ее в члены КПСС. Они встретились глазами, и Татьяна Леонидовна не заметила в ее глазах осуждения. Напротив, взгляд Ветрюк выражал заинтересованность, внимание, решимость. Таисия Петровна пришла на крещение не одна, а с членами семьи. «У каждого свое время, когда Господь допускает до себя», — вспомнила Ахтомзянова слова священнослужителя.

Первого июня 2011 года митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий освятил в Корфовском место под строительство храма. На пожертвования прихожан приобреталась церковная утварь. В том числе купель для крещения, венцы для браковенчания, поминальный канун. На пожертвование семьи прихожанки Натальи Павловны Черной в иконописной мастерской Москвы была заказана икона Божьей Матери «Живоносный источник». Протоиерей Артемий (Владимиров) доставил икону в приход, освятил ее.

История воцерковления Натальи Павловны печальна и светла. Она выросла в Корфовском, вместе с мужем работала на Крайнем Севере, вернулась в родные

места. Возведение храма в поселке уже началось, и Александр, супруг Натальи, отправился к строителям посоветоваться по какому-то хозяйственному делу. На стройплощадке ему вдруг стало плохо. Смерть Александра у двери строящегося храма Наталья восприняла как знамение. «Я поняла, что Саша привел меня сюда», — говорит она.

Двенадцатого марта 2012 года у прихода появился новый небесный покровитель — благоверный князь Димитрий Донской. Важное событие в жизни местной православной организации благословил митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий. В ноябре того же года на купол строящегося храма был воздвигнут крест.

Строительство подходило к концу, и девятого июня 2013 года митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий совершил чин освящения храма во имя святого благоверного князя Димитрия Донского. В пахнущих известью и краской стенах правящий архиерей отслужил Божественную Литургию, после чего сердечно поблагодарил благоустроителей, в частности генерального директора Корфовского каменного карьера, которому было преподнесено в дар редкое издание Священного Писания.

Храм расположен через дорогу от рукотворного озера и, как корабль, отражается в водной глади. Пожалуй, это самый красивый уголок Корфовского. Храм виден издалека. Среди зелени деревьев сверкает золотой купол с крестом. Продолжает храмовый комплекс колокольня с колоколами, которые возвещают новую страницу в жизни поселка.

Двери обители открыты. Так и тянется душа сюда. Хочется зайти, постоять, подумать как о вечном, так и о собственной жизни. Идут, идут прихожане в воскресные, праздничные дни под перезвон колоколов. Храм в честь святого благоверного князя Димитрия Донского стал символом духовного единения подобно своему небесному покровителю, который в годину испытаний сплотил русский народ, объединив крещеных и некрещеных, детей и родителей.

Дмитрий Владимирович Левин планирует расписать стены внутри храма. Заказан красивейший иконостас, где обретут постоянное место иконы Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы, наиболее почитаемых приходом святых Димитрия Донского, Сергия Радонежского и других. На храмовой территории возводится воскресная школа.

Из поездок по городам и весям отчизны корфовчане привозят дары приходу. Из Крыма привезена икона святого Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского, из столичного монастыря — иконы Владимирской Божьей Матери и Николая Чудотворца, написанные в стилистике XIX века. Пожертвованы храму напрестольное Евангелие, доставленное из Санкт-Петербурга, икона святителя Спиридона, которая привезена с греческого острова Корфу, Боголюбская икона Божьей Матери, выполненная из металла. Приходом села Новокиевский Увал Амурской области подарена особо почитаемая на Дальнем Востоке икона Албазинской Божьей Матери.

За время существования прихода Корфовский по Божьей милости посетили такие святыни, как рака с мощами Николая Чудотворца, ларец с мощами Анастасии Узорешительницы, ларец с мощами воина Виктора. Жители поселка сподобились приклониться к этим и другим православным святыням. Для председателя приходского совета Ахтомзяновой особо памятно пребывание иконы Божьей Матери «Умягчение злых сердец», которой молятся, чтобы не было вражды.

Эту икону не планировалось выставлять в Корфовском. Но поскольку она была в Переяславке, Ахтомзянова взялась убеждать иерея Евгения (Колупаева), служившего в Переяславке, окормлявшего приход в Корфовском некоторое время, хотя бы на час завезти святыню при возвращении ее в краевой центр. Тогда еще

не был построен храм и богослужения проходили в зале администрации. Ахтомзянова не могла не замечать, что выборы главы поселка раскололи корфовчан на два лагеря. Она была убеждена, что икона «Умягчение злых сердец» поможет преодолеть этот раскол.

Полпоселка пришло приложиться к святыне. Татьяна Леонидовна видела, как менялись лица, в которых сквозила ненависть, как взаимные обвинения и ругань уступали место терпимости и добрым взглядам. Кто-то наверняка скажет: Ахтомзянова выдает желаемое за действительное. Сама она вряд ли станет вступать в спор по этому поводу. Однако расскажет, что после пребывания в поселке иконы Божьей Матери «Неупиваемая чаша», которой молятся для избавления близких от пьянства, одна женщина призналась, что ее сын действительно бросил пить.

Таких историй в поселке немало. У кого-то родился ребенок, кто-то дождался выздоровления родного человека, кому-то удалось на работу устроиться. И всему этому предшествовали молитвы. В храме и дома, по прочитанному и своими словами. А главное — с непоколебимой верой, что Господь услышит и поможет. И Богородица, и святой Спиридон — тот самый, которому молятся, чтобы найти работу.

Настоятель храма святого Димитрия Донского иерей Андрей (Зырянов) и председатель приходского совета Татьяна Ахтомзянова не тешат себя иллюзиями. Совершивших обряд крещения корфовчан теперь много, но ведь немало тех, кто после этого забыл дорогу к храму. Участвовать в богослужениях в воскресные и праздничные дни, исповедоваться, причащаться готовы не все из крестившихся, хотя они считают себя православными. Нужно научиться принуждать себя к благим поступкам, не идти на поводу у страстей.

…Обычный день. Предобеденное время. Большие двери храма не без труда открывают две девочки. Судя по рюкзакам за плечами, это школьницы.

— Мы пришли помолиться, — говорят они, направляясь к иконам.

Еще нет иконостаса и не расписаны стены. Еще судачат о поступках директора карьера, не пожалевшего средств на строительство храма и воскресной школы. Но есть они, отроковицы, приходящие к иконам по велению души.

ОТ ТЮРЬМЫ И ОТ СУМЫ

Он не живет в Корфовском последние годы, но о нем здесь не забыли. Анатолий Евгеньевич Зель, в прошлом председатель исполкома и глава администрации, рассказывает, как работал с Владимиром Погодиным, председателем поселкового Совета. Вера Александровна Панкова, без малого сорок лет возглавлявшая жилищно-коммунальное хозяйство поселка, вспоминает о муниципальном многоотраслевом производственном предприятии «Корфовское», лучшем в районе и крае. Его директором был Погодин…

Сам Владимир Юрьевич по-прежнему деловит, улыбчив. И называет фамилии корфовчан, с которыми свела судьба в девяностые годы и так называемые нулевые. Оптимист по натуре, он не только успехи, но и неудачи расценивает как обретение опыта, без чего невозможно движение вперед, самоусовершенствование.

Хотя работа в Корфовском закончилась для него следственным изолятором, отстранением от должности директора жилищно-коммунального предприятия. Того самого, опыт которого краевая дума рекомендовала к распространению, за руководство которым он получил почетную грамоту Министерства строительства Российской Федерации из рук губернатора Виктора Ишаева.

Офицер Погодин прибыл в Корфовский в 1989 году после назначения командиром ракетного дивизиона, защищавшего хабаровское небо от железнодорожного

моста через Амур до армейской группировки на Красной Речке. За плечами подполковника была служба в Белоруссии и Социалистической Республике Вьетнам, где он исполнял интернациональный долг. А начиналась она в училище противовоздушной обороны в Ярославле, родном городе Погодина.

В 1990 году состоялись выборы в местные органы власти. На одно депутатское место претендовало несколько кандидатов, они боролись за голоса избирателей, можно сказать, конкурировали, что прежде считалось немыслимым. Но горбачевская перестройка ломала стереотипы… Вадим Девалтовский, замполит части, убедил участвовать в них Владимира Погодина, тем самым продемонстрировав не на словах, а на деле единство армии и народа.

Когда на первой сессии поселкового Совета подавляющее большинство из тридцати депутатов проголосовало за избрание подполковника Погодина председателем Совета, Владимиру Юрьевичу было над чем поломать голову. Поскольку должность председателя была освобожденной, ему предстояло оставить воинскую службу. Вместо военной академии, в которой он планировал учиться, Погодин поступил в ВЮЗИ — Всесоюзный юридический заочный институт.

На первой сессии депутаты голосовали не только за председателя Совета, но и за председателя исполкома. Владимир Юрьевич поддержал утверждение председателем исполкома Анатолия Евгеньевича Зеля, которого корфовчане знали по работе в каменном карьере, где он вырос от рабочего до директора. Важно было не только кадровое обновление поселковой власти. Оба руководителя были настроены на совместную работу, а не на выяснение отношений, какая власть, представительная или исполнительная, главней.

Показательный пример: когда подъезжал самосвал с асфальтом, Погодин и Зель на пару брали лопаты и разбрасывали его, обеспечивая фронт работ асфальтоукладчику. Тогда в Корфовском были заасфальтированы улицы Таежная, Советская, Резервуарная.

— Активными депутатами были наши врачи Владимир Реснянский и Валентина Кибальник, директор школы Владимир Масло, инженер Хехцирского лесхоза Татьяна Ахтомзянова, Нина Волкова, которая работала в экспедиции объединения «Сахалингеология». Я пришел к выводу: требовать с депутатов выполнения наказов избирателей — это перебор. Каждый работает, у каждого семья. Я как председатель Совета беру исполнение наказов всех депутатов на себя. Поскольку я лицо освобожденное, то имею возможность встречаться с руководителями предприятий, буквально каждый день контактировать с сотрудниками исполкома, знакомиться с документами, выезжать на место проведения работ. Таким образом мы добились выполнения всех наказов избирателей, хотя некоторые из них пришлось выполнять после досрочного прекращения деятельности Советов, — вспоминает Владимир Юрьевич.

Наступил 1993 год, когда отношения между президентом Ельциным и председателем Верховного Совета Хасбулатовым обострились до крайности, что привело к роспуску Советов всех уровней, от Верховного в Москве до поселкового в Корфовском. Правда, Погодин без работы не остался. Глава администрации Зель назначил его своим первым заместителем по жилищно-коммунальному хозяйству.

Это было неслучайно: предприятия в соответствии с установками правительства Ельцина-Гайдара избавлялись от соцкультбыта, который создавали десятилетиями и которым всегда гордились. Многоквартирные дома, котельные, тепловые и электрические сети, очистные сооружения передавались местным органам власти. Как правило, в спешке, поскольку сами предприятия оказались в пучине проблем, которые были вызваны так называемыми реформами. Погодин, заочно

учившийся в юридическом институте, который стал академией, следовал букве закона, хотя с позиций права трансформация собственности из ведомственной в муниципальную зияла белыми пятнами. Тем не менее Владимир Юрьевич добился от экспедиции «Сахалингеология», чтобы она вместе с двухэтажками на улице Геологов передала производственную базу и технику. Крайрыболовпотребсоюз тоже принял условия Погодина, расставшись не только с домами и котельной, но и с нежилыми помещениями.

Сам он недолго задержался в должности первого зама главы администрации, возглавив участок районного управления жилищно-коммунального хозяйства, из которого выросло ММПП. Директором ММПП «Корфовское» стал Погодин. Он продолжал гнуть свою линию: соцкультбыт передается не сам по себе, а с машинами и механизмами, объектами производственного назначения. Пускай это шамбовозка, не новая, но еще на ходу, пускай один-единственный сварочный агрегат… Пригодятся!

— Штат увеличился до двухсот человек. Мы вышли на второе место в поселке по численности работающих после каменного карьера, — рассказывает Вера Александровна Панкова, работавшая заместителем директора ММПП «Корфовское».

Когда на других предприятиях ЖКХ района и края зарплата выдавалась с задержкой до полугода, в Корфовском аванс и получку получали в срок и в полном объеме. Но откуда брались деньги, ведь коммунальные платежи не покрывали затрат, к тому же хватало неплательщиков?

Предприятие было многоотраслевым не на словах, а на деле. Люди и техника ММПП «Корфовское» были заняты на Переяславском молочном заводе, в Вяземском дорожном ремонтно-строительном управлении. В населенные пункты Хабаровского района они доставляли угольное топливо. В общем, работали везде, где только можно было. Расчеты производились бартером, другими словами — товарами и услугами. Молоко и сметана из Переяславки направлялись не только в торговую сеть ММПП, которая включала пять магазинов и подкрепляла предприятие наличкой. Железная дорога за молокопродукты для рабочей столовой поставляла лопаты, ломы, другой инструмент. Это не было изобретением Погодина: бартерные схемы спасали от остановки предприятия всей страны, загнанные в угол монетаристами гайдаровской выучки.

Хозрасчетная деятельность ММПП замыкалась на заместителе директора Вадиме Девалтовском, бывшем замполите, бухгалтере Ольге Хлыст. Это были люди, в порядочности которых Погодин не сомневался. Однако сам, вероятно, недооценил реалий политической жизни, согласившись участвовать в выборах главы района.

Выдвинула его Валентина Лягутская, глава Некрасовки, самого крупного в крае сельского поселения, неизменный оппонент районной власти. Она увидела в Погодине свежего человека, способного на неординарные решения. Ее поддержали руководители других поселений…

Владимир Юрьевич находился в отпуске с выездом, когда он был объявлен в розыск с выпиской ордера на арест. Директора ММПП «Корфовское» обвинили в злоупотреблениях служебным положением. Его задержали в первый же день выхода на работу после отпуска, доставили в СИЗО. Через два месяца он был выпущен на свободу, однако от должности директора на время следствия его отстранили. Районный суд признал объявление в розыск и арест Погодина незаконными, но с постановлением суда не согласилась районная прокуратура. Краевой суд поддержал решение районного суда…

— Для меня было очевидно, что уголовное право использовалось в угоду выборным предпочтениям, — говорит Татьяна Слепцова, известный в крае журналист, статья которой в «Тихоокеанской звезде» называла вещи своими именами.

Несмотря на возбуждение уголовного дела, Погодин не отказался от участия в выборах. Он показал второй результат, причем разница с лидером гонки, действующим главой, была минимальной. Впрочем, победитель скоро получил должность краевого масштаба, и Хабаровский район вступил в полосу новых выборов. Фавориты были очевидны до формальных процедур: это и.о. главы Владимир Алешко и Владимир Погодин, лишенный должности директора ММПП «Корфовское», между прочим единственного рентабельного предприятия в районном ЖКХ, но не лишившийся поддержки избирателей.

Не желая очередной войны компроматов, главы поселений рекомендовали Алешко встретиться с Погодиным. Такая встреча состоялась. Ее результатом стал компромисс: Погодин снял свою кандидатуру с выборной гонки, избранный главой Алешко назначил его своим первым заместителем.

Вероятно, другой человек, переживший то, что выпало Погодину, стал бы ярым обличителем власти. Или, наоборот, пофигистом, который ко всему безразличен. Владимир Юрьевич остался таким, каким его помнят корфовчане, — легким на подъем, энергичным, инициативным. Может, в восприятии прошлого прибавилось иронии.

— Улица Советская была разбитой, люди неудовольствия не скрывали, — рассказывает он о своей работе в администрации поселка. — Мы выровняли проезжую часть, засыпав ее отсевом. И сразу появились жалобы на запыленность: проедет машина — ни во дворе, ни в доме нет спасения от пылищи. Мы отсыпали улицу щебнем, запыленность исчезла, но жители Советской нас критиковали не меньше. По щебенке стало трудней возить воду от колонок: колеса тележек с бидонами застревали. Наконец на средства железной дороги Советская была заасфальтирована. Жители опять с претензиями: по асфальту гоняет на машинах молодежь. Не дай бог, собьют кого. Что ж, надо устанавливать ограничители скорости, может быть так называемых лежачих полицейских. Получается так: чем больше делалось на Советской, тем больше поводов для недовольства возникало. Диалектика!.. — улыбается Владимир Юрьевич.

А сколько упреков слышал он, когда взялся за очистку пруда в центре поселка!.. В этот пруд стекали талые и дождевые воды с улицы Таежной, он превратился в большую лужу, в которой купалась детвора. Когда вода с водоема была спущена и техника ММПП «Корфовское» начала выгребать грязное месиво с его дна, Погодину, как директору предприятия, досталось. Его представляли разрушителем едва ли не главной достопримечательности поселка. Однако вскоре сама матушка-природа встала на сторону поборника чистки пруда. От сильных морозов разорвало водопровод, дирекция карьера согласилась с предложением Погодина убрать перемычку, и вода кристальной чистоты хлынула в пруд. Злые языки утихли, ребятне в жару лучшего места для купания не найти.

А ЛЕС РАСТЕТ

История Корфовского начиналась не только с железной дороги и каменного карьера, но и с дачи. Этим термином назывался участок леса, обустроенный для посещения. Хехцирская дача, которая упоминается с 1912 года, предназначалась для жителей Хабаровска — главного города Приамурского генерал-губернаторства.

Они садились на поезд, сходили на станциях Хехцир, Корфовская, Чирки, откуда отправлялись на дачу — в лес, чтобы собирать грибы и ягоды, просто гулять среди кедров и дубов с домочадцами и сослуживцами. Обустройство хехцирской дачи можно считать началом лесоустройства в Приамурском генерал-губернаторстве.

Советская власть только закрепила это первенство: в 1930 году в Корфовском был создан Хехцирский лесхоз — первый лесхоз в Дальневосточном крае, сменившем генерал-губернаторство. В него вошли лесные массивы, примыкающие к краевому центру, которые надлежало беречь от огня и незаконных рубок. Лесхоз имел порядка сорока лошадей: они использовались лесоохраной в качестве транспортного средства. Был заложен питомник для выращивания саженцев, что на фоне наращивания лесозаготовок, объяснимого индустриализацией, знаменовало поворот к лесовосстановлению.

С открытием в Хабаровске Дальневосточного научно-исследовательского института лесного хозяйства лесхоз был введен в его структуру наряду с механическим заводом, лесными станциями от Колымы до Приморья. Они, как и лесхоз, именовались опытными, что позволяло отраслевой науке экспериментировать, продвигая идеи и разработки на места.

— Я пришел в замечательный коллектив, который возглавлял заслуженный лесовод РСФСР Федор Федорович Мешков. Для меня было очевидно, что махать шашкой и рубить головы ни к чему, а нужно только продолжать сделанное до меня, — говорит Геннадий Дмитриевич Шелогаев, который в 1968 году был назначен директором Хехцирского лесхоза и сорок пять лет им бессменно руководил.

Выпускник Воронежского лесотехнического института, Шелогаев распределился в Приморье, где работал лесничим и без отрыва от производства защитил кандидатский минимум в ДальНИИЛХе. На толкового парня обратили внимание ученые-отраслевики, рекомендовав его директором Хехцирского лесхоза. Так Шелогаев оказался в Корфовском, где лесхоз был вторым по численности персонала предприятием поселка, уступая лишь каменному карьеру. Кроме производственной базы, он имел жилфонд. Тогда это были сплошь деревянные строения, но со временем они уступили место кирпичным, благоустроенным.

Строительство шло по генеральному плану. Лесопильный цех, ремонтно-механические мастерские, деревообрабатывающий цех, гараж на двадцать машин. Не контора, как это было, а лабораторный корпус в три этажа. Плюс котельная, работающая на жидком топливе, очистные. И четыре многоквартирных дома, не считая коттеджей. Это был рывок в новое качество бытия, и финансирование из Москвы составляло лишь половину капиталовложений. Как же зарабатывал лесхоз?

Рубками ухода за молодняком и санитарными рубками: осина, береза, другая низкосортная древесина шла на переработку и на продажу. Кирпичный завод №2 объединения «Хабаровскстройматериалы» заказывал поддоны. Дальневосточная железная дорога — вагонные стойки. Больше десятка наименований продукции из низкосортной древесины выпускал деревообрабатывающий цех. Это черенки для лопат, ручки для топоров… Правда, развернулась кампания против того, чтобы лесхозы занимались деревообработкой. Дескать, это задача предприятий Министерства лесной промышленности, в частности объединения «Дальдрев», в которое входили Мухенский и Хорский деревообрабатывающие комбинаты, Бикинский и Иннокентьевский лесозаводы. Но они не желали заниматься мелочовкой: штакетниками, швабрами, хлебницами.

В Хехцирском лесхозе умение зарабатывать на развитие не заслоняло главного — защиту и охрану лесов. В четыре раза возросла протяженность минерализированных полос, преграждающих путь огню. Собственный дорожно-строительный отряд, укомплектованный бульдозерами, самосвалами, грейдером, построил двести километров дорог, что позволяло к любому возгоранию добираться за полчаса.

На сопках соорудили наблюдательные посты, на каждом из которых в пожароопасный период не сводил глаз с окрестностей дежурный, оснащенный рацией. Внизу ждал команды УАЗ с мобильной группой тушения. Лесхоз обходился без

авиалесоохраны, что трудно представить сегодня, когда борьба с огнем являет собой войсковую операцию с привлечением авиации, спутников и… колоссальными тратами государственных ресурсов. Наблюдательные посты разрушены, дороги приходят в негодность: вероятно, они мешают осваивать бюджет.

Шелогаев не скрывал своих пристрастий: инженер лесного хозяйства по вузовскому диплому, он стремился, чтобы отдел механизации ДальНИИЛХа собственные разработки, как и разработки ЛенНИИЛХа, других профильных институтов, испытывал в Хехцирском лесхозе.

Когда он работал лесничим в Приморье, взялся за эксперимент, суть которого — ускорение роста сеянца сосны кедровой корейской. Проще говоря, кедра, семечко которого в естественных условиях прорастает через год. Шелогаев доказал на практике: если это семечко подержать несколько месяцев в тепле и во влажных опилках, закалить его весной холодом, потом высадить в землю под пленку, то оно прорастет в тот же год. И сеянец догонит в росте трехлетних собратьев, лишенных продуманной опеки.

В теплицах Хехцирского лесхоза произрастало до миллиона разновозрастных саженцев кедров и лиственниц. Каждый год до трехсот тысяч из них высаживалось, в том числе машинами-автоматами, работающими без участия человека. Перспективная хвойная поросль занимала место берез и осин, перестоявших либо зрелых, срубленных и отправленных на переработку. Саженцы с высокой степенью приживаемости охотно покупали в лесхозах края, ведь цена их была минимальной. Приобретались они и для озеленения Хабаровска.

Территория самого лесхоза, включающая северо-восточные склоны хребта Большой Хехцир и южные склоны хребта Малый Хехцир, составляла двадцать две тысячи гектаров. На шести с лишним тысячах подрастал новый хвойный лес. Высота первых высаженных лиственниц и кедров достигала пятнадцати метров… При этом не перевелись горячие головы, утверждающие, что лес на Дальнем Востоке сажать не надо, поскольку он возобновляется сам.

— Я видел, как на месте вырубленного ельника поднимался новый ельник. Но это скорей исключение. Достаточно побывать на делянах после того, как там поработали лесозаготовители. Пеньки, колея от гусениц трелевщиков, в лучшем случае осинник или березняк. Ценные породы надо высаживать! — убежден Шелогаев.

Заслуженный лесовод России, почетный гражданин Хабаровского муниципального района, он удручен состоянием лесного хозяйства страны в последнюю четверть века. Дело не только в том, что ликвидированы опытные лесхозы, в том числе Хехцирский, как уже было сказано, старейший на Дальнем Востоке лесхоз. Едва ли не каждый шаг на пути реформирования — непродуманность, дилетантизм, бестолковщина. Как тут не вспомнить незабвенное черномырдинское: хотели как лучше, получилось как всегда!..

В Хехцирском лесхозе для проведения рубок ухода и санитарных рубок создавались бригады из своих же работников. Они умели валить лес, трелевать, раскряжевывать. Словом, справлялись, но при этом не брали сверх положенного, не трогали дуб, лиственницу, не говоря уже о кедре. Сегодня закон требует нанимать сторонних заготовителей. Но ведь это люди с менталитетом временщиков, а то и расхитителей. Тратятся огромные суммы на установку камер видеонаблюдения, спутниковый учет порубок, но толку!..

Леспромхозы советской поры не были образцом лесопользования. Однако при этом был налажен контроль, нарушители штрафовались, а главное — лесовосстановление, по сути, финансировалось лесозаготовителями, что соответствовало принципу: срубил дерево — посади два. Теперь же частные фирмы, занятые на лесозаготовках, как правило, несостоятельны. Платежи за пользование лесным

фондом упали, как следствие — лесное хозяйство парализовано нескончаемыми сокращениями.

Разделение низовых подразделений на заказчиков и подрядчиков не прибавило ответственности. Отношения между ними обострены безденежьем и правовыми пустошами. Между тем незаконные рубки обрели характер национального бедствия, русский лес, в середине минувшего века воспетый Леонидом Леоновым в одноименном романе, похоже, отдан на закланье в угоду свободе предпринимательства.

Геннадий Дмитриевич сегодня работает старшим научным сотрудником ДальНИИЛХа, который в последние четверть века лишился опытных станций от Колымы до Приморья, опытно-механического завода в Хабаровске, опытного лесхоза в Корфовском. Правда, сам институт уцелел, в отличие от аналогичных НИИ в Сибири, на Урале, в других макрорегионах, потому что российский бюджет урезает расходы на лесовосстановление.

Что делать, если жжет мысль, что дело твоей жизни пущено на распыл, что твои соратники уволены за ненадобностью?.. Геннадий Дмитриевич отправляется в низину — знакомое место за многоквартирными домами лесхоза, за станцией Корфовской. Туда, где когда-то стояло болото, и старожилы поселка рассказывали, что болото объявилось, когда вырубили кедры, здоровенные, красивейшие. Под топор они пошли в годы Великой Отечественной, потому что деловая древесина была нужна для фронта.

Шелогаев принял решение осушить низину, что и было сделано с помощью тяжелой техники. Потом на полосе в шесть с лишним тысяч гектаров высаживалась сосна корейская кедровая, или кедр. Прямо из теплицы лесхоза… Саженцы принялись, радуя устойчивым ростом всех, кого привозил посмотреть на игольчатые деревца директор лесхоза. Это были главный лесничий ДальНИИЛХа Иван Перевертайло, заведующий лабораторией лесных культур Лев Ершов, лесничий лесхоза Владимир Назаренко. Коллеги были рады, что на месте болота поднимется кедровник.

За четыре десятилетия он действительно поднялся. Начал плодоносить… Поднимешь голову, чтобы на вершины посмотреть, — и шапка слетает. Шелогаев говорит себе: ничего, переживем. Есть благоглупости, но не это главное. Семья не дает поводов для огорчений. Дети работают, внуки взрослеют.

А лес растет…